

* * *

По Карла Маркса и до Царя
Тягучий звон равнодушных зданий.
Учиться падать — и, про себя матеря
Зеркальный лёд, — уже не считать попаданий.

Дворник переводит стрелки дорог,
Метлой распутывая односторонний город.
В трамвае катается новорождённый Бог.
Нигде на маршруте не сбавив скорость,

Трамвай летит по линии кольцевой,
А в монохромной дворовой стыни
Случайный прохожий не замечает того,
Что в сердце ему вмерзает колючий иней.

По Карла Маркса и до Царя
Сибирское барокко, византийские ниши.
Не мысля, не чувствуя, не говоря,
Зачем? — когда поднимается выше и выше

Подслеповатый снег. Мост. Пешком до вокзала.
...Бог не заметит отставшего маргинала.

Снег и ветер

1

Снег отражаясь от лиц
Бледных как призраки сна
Медленно падает на
Серое тело земли

И пеленает мосты
В мелкозернистую рябь
В неразличимую явь
Снега объяття густы

И глубоки-глубоки
Будто звериная шерсть
Будто желанная месть
Снегу нужны игроки

Чтоб в закоулки теснить
Где не горят фонари
Кто проиграет — замри
До наступленья весны

2

В небо взметнётся свист
Оземь ударит плеть
Ветер-кавалерист
Знает куда лететь —

Мимо полей и сёл
Дальше и дальше вдаль
В место откуда всё
И ничего не жаль

Там на основе свай
Собранных из льда
Ветер построит рай
И заключит туда

Новорождённый мир
Освобождённый от
Выкованных людьми
Всех диссонансных нот

Адам и Ева

...Найти за порогом невидимое для глаза,
развешанное на всех приоконных лесках,
то небо, что началось партитурой гласа
не трубного, но сплетённого в пальцах детских.

Безропотно сбросить напрасное тело с грима,
из формулы слова вычесть стальные спицы
и в миг перехода божественной воли в имя
найти друг для друга возможность не оступиться.

* * *

Когда листопада игла
заберётся под кожу,
расплёскивая заката
густые кляксы
на бледные стрелки часов,
телефоны и факсы,

ты вынешь, как душу, пальто
из усталой прихожей.

В сплетение пуговиц скрывшись,
сквозь холод подъезда
ты выйдешь наружу, родишься,
безумен и светел;

...а мимо, едва умирив
непоседливый ветер,
межзвёздная трасса крадётся,
как кошка по крыше.

* * *

Незнакомка к мосту подходит, перчатки мнёт.
Я придумал её, иной ей уже не быть...

Как споткнувшись о стрелку,
в прошлое повернёт
равнодушное время,
судьбы умирив прыть —
в безвоздушном пространстве
кровь превратится в лёд,
чтоб рубиновой крошкой
во тьме первородной плыть.

И за долю секунды
переступив черту,
устремляясь к далёким
книжным своим мирам,
я пойму — человеку,
познавшему пустоту,
всё едино в душе:
христианство, буддизм, ислам.

Но молчит Незнакомка, идущая по мосту,
И не видит меня,
не смотрит по сторонам.

* * *

От короткой строки до трамвайной петли,
От Второго до Третьего Рима,
Человеческий возглас по линии дли,
Коль его колебание длимо.

От Галанских высот до голландских красот,
Через все серпантинные трассы

Малахитовой кобры кинжальный бросок
Настигает развенчанных нас, и

Обретённое знание будет беречь
Наш ребёнок, чтоб снова и снова
Затвердевшую в горле беззвучную речь
Рассекало — как лезвие — Слово.

Куручка

Куручка буквы выклёвывает из фраз,
Из божьего рукава за Пегасом летит Пегас,
Суетно раскручивая времени маховик
Безотносительно планетарного центра масс.

Воздух окраинный полон томленьем нив,
Хрипами куплетистов, скупым матерочком нимф.
По беспощадным ямам прыгает грузовик,
В здешних краях дороги — это всего лишь миф.

Целому гипермаркету тождественное сельпо
К вечеру осаждается равнодушной толпой.
Куручка квохчет, её закрома пусты.
Есть только твердь земная. А значит, по-видимому,

Бог наконец опустил рукав —
Смыла смешных пегасов солнечная река,
И замерла провинция: полдень, зной, пауты...
(Вечность играет в шахматы на лавочке у ДК.)

Город

Так луч, согревающий каменный стол,
Безжалостной тенью бывает распорот...
Среди заблудившихся облачных толп
Рождается город,

Начавшись со звуков — от звона монет
До уличных проповедей пророков.
И кажется, времени попросту нет,
И слышится рокот

Речей из двенадцати языков.
Нетронут был мир, где ещё до начала
Вошедших в учебники новых веков
Озёра качали

Неспешные воды свои — и рассвет
Струился с вершин в молодые долины,
И распускался весной горицвет,
И таял за облаком крик журавлиный.

Но первое царство родилось на свет,
И хлынуло небо в его горловину.

* * *

Тишина разбавлена кровью улиц...
Неприметную ткань на разрыв края,
Это первые дети во сне проснулись,
Это жизнь уже отсекла края,

За которыми будет горяч и краток
Разговор, как яростный взмах ножа.
Распинай друг друга, как брат за брата,
Расходись, разнудывай, размножай!

Но прими: безверие дарит постриг,
Даже тем, кто новую кровь постиг.

... Постранично время бросает кости,
разделяя на хрупкие «до» и «после»
наши лица — обложки книг.

* * *

Потускнел полустанок,
и воздух черствеет закатом,
наполняя сюжет угасанием солнечных лилий
в бесконечном пространстве,
где, звук оставляя за кадром,
сумасшедшая стрелка запуталась
в небыли-были.

Время хлещет наотмашь
из всех поднебесных артерий,
обнимая потоком,
неся, голося, распыляя.
Обернутся легендой уже не награды, а тени
перешедшего линию фронта, как линию края.

Закрывая глаза,
забывая про радость и зависть,
про мальчишку, что выскочил из дому
в яркой обновке,
я в блокноте вселенной оставлю короткую запись
лишь о том, что доехал до следующей остановки.